

которые опирались на мощные ресурсы централизованного объединения, сплотившего в новой государственной организации и деревню, и город. В эпоху феодальной реакции в Англии, войны Алой и Бѣлой Розы (XV вѣк), средневѣковая Ганза могла диктовать ей свою волю; могла распоряжаться на Скандинавском полуостровѣ, как у себя дома, пока политическая организация там носила феодальный характер (до начала XVI вѣка); могла подчинять себѣ Новгород одной угрозой перерыва сношеній. Но по мѣрѣ того, как ее окружают со всѣх сторон организующіяся централизованныя государства, или ея торговыя области захватываются этими государствами: как Новгород в концѣ XV вѣка Москвой, Нидерланды в XVI вѣкѣ Испаніей,—Ганза оказывается неспособной задержать крушеніе своей монополіи.

3. Развитие торговли и колоній в новое время.

Итальянская и южно-французская торговля, начавшаяся как пиратскій промысел, на высших ступенях своего развитія осталась в своей основѣ колоніальной торговлей. Главным источником ея прибылей служило сначала беспощадное разграбленіе стран Леванта, а потом крѣпостной и рабскій труд в завоеванных странах. Ганзейская торговля ушла далеко вперед от таких форм. Правда, Ганзейскій союз оказывал прямое давленіе на обслуживаемыя им страны, добивался для своих членов привилегированнаго, монопольнаго положенія; но он не мог непосредственно принудить населеніе Швеціи или Англии к прибавочному труду в свою пользу. Конечно, по мѣрѣ того, как мѣнныя отношенія проникали в глубь европейских обществ, феодальная эксплуатація смѣнялась в них крѣпостнической эксплуатаціей, и принудительный труд на помѣщика пріобрѣтал суровыя формы. Но, во-первых, отношенія в метрополіи никогда не принимают такого жестокаго характера, как в колоніях. Во-вторых, способ извлеченія прибавочнаго продукта нисколько не касался Ганзы: она обслуживала страны, которыя с теченіем времени все болѣе превращались просто в ея равноправных контрагентов. В этом смыслѣ ганзейская торговля представляет непосредственное преддверіе капиталистической эпохи, когда торговля становится двусторонним обмѣном равностоимостей. Развитие ганзейской торговли было симптомом того, что сѣверо-запад Европы созрѣвал для капиталистической торговли и вмѣстѣ с тѣм—для капиталистическаго производства.

Если бы Европа еще на нѣсколько столѣтій осталась таким замкнутым міром, каким она становится в XV вѣку, когда османскіе турки отрѣзывают торговые пути на Восток, то это не сдѣлало бы европейскій капитализм невозможным. Напротив, он начал бы развиваться к высшим,

крупно-производственным формам, вѣроятно, одним-двумя столѣтіями раньше, чѣм то было в дѣйствительности. Но это был бы сравнительно мелкій карликовый по общему масштабу капитализм.

Прочно включивши в систему своих экономических отношеній Восток и Америку (великія географическія открытія с конца XV вѣка), Европа могла создать предпосылки для тѣх энергіи и размаха, которыми характеризуется поступательное движеніе капитализма с конца XVIII вѣка. Но эти же географическія открытія сдѣлали возможным и неизбежным новый расцвѣтъ той примитивной, экстенсивной, рѣзко докапиталистической торговли, той эксплуатаціи чужих стран, которая по существу возрождала отношенія итальянской торговли. Торговля в новое время повторяет — в огромном масштабѣ, на основѣ всѣх пріобрѣтеній предыдущей эпохи, — исторію средневѣковой торговли. Начальный період послѣдней, итальянская торговля, воспроизводится португальцами и испанцами, позднѣйшая голландская и англійская торговля, не утрачивая колониальнаго характера, развѣтывает и такія стороны, которыя живо напоминают старую Ганзу.

Экономическій подъем Пиренейскаго полуострова был подготовлен торговыми походами итальянцев. Особенно крупное значеніе получило открытіе морского пути через Гибралтар на сѣверо-запад Европы (XIV вѣк). Уже в первые десятилѣтія слѣдующаго столѣтія открывается блестящая эра португальскихъ открытій. Португальскіе мореплаватели сознательно искали путей, по которым они могли бы обойти венеціанцев с тыла и перехватить их торговлю с Востоком. Выйдя на Атлантическій океан, торговля все болѣе отрѣшается от сухопутныхъ дорог, все рѣшительнѣе отходит в своихъ путешествіяхъ от береговой линіи. Ея новымъ потребностямъ соотвѣтствуетъ одно изъ величайшихъ изобрѣтеній послѣднихъ столѣтій средневѣковья: примѣненіе намагнитченной стрѣлки къ потребностямъ мореплаванія. С свойствами намагнитченной иглы арабы познакомились еще у китайцев. Но только с конца XIV вѣка, перейдя къ европейцам, которыхъ экономическое развитіе вело в открытое море, намагнитченная стрѣлка получаетъ практическое примѣненіе: укрѣпляется на вертикальной иглѣ и превращается в компас. И знаменателен тот фактъ, что, какъ предполагаютъ, это изобрѣтеніе сдѣлано в Амальфи, старинномъ центрѣ итальянской торговли, тѣснимомъ Генуей и Венеціей.

С начала XV вѣка торгово-завоевательныя предпріятія португальцевъ пріобрѣли небывалый в исторіи всемірной торговли размах. Однѣ экспедиціи спускаются по Атлантическому побережью къ югу, — но уже настолько отрываются от побережья, что открываютъ Мадеру, Канарскіе и Азорскіе острова. Во второй половинѣ XV вѣка португальскія экспедиціи и уже достигли Гвинейскаго залива и пересѣкли экватор. Другія

экспедиции отправляются из Краснаго и Персидскаго моря и производят обследованіе африканских и азіатских берегов Индійскаго океана. Васко-де-Гама, который, отправившись из Лиссабона, обогнул мыс Доброй Надежды, прошел через Мозамбикскій пролив и в 1498 году, послѣ 10-мѣсячнаго плаванія, достиг, наконец, западнаго (Малабарскаго) берега Индостана, в сущности просто подвел окончательный итог тѣм открытіям и завоеваніям, которыя португальская торговля сдѣлала в теченіе вѣка, настойчиво преслѣдуя одну основную задачу: эмансипироваться от посредничества итальянцев, установить самостоятельныя сношенія с Индостаном.

Итальянцы не обманывались относительно значенія этих открытій, которыя были равносильны послѣднему смертельному удару для их торговой гегемоніи. Уже в слѣдующем десятилѣтіи у венеціанцев является мысль соединить Средиземное и Красное море посредством канала через Суэцкій перешеек: идея, осуществленная лишь через 3½ столѣтія. Такое грандіозное сооруженіе далеко превосходило техническія и экономическія возможности эпохи торговаго капитала.

За какіе-нибудь полвѣка послѣ открытія Васко-де-Гамы сфера торговых операцій и колоніальныя владѣнія португальцев раскинулись на колоссальное протяженіе: от острова Мадеры, по западным и восточным берегам Африки, через Индостан и Индокитай, острова к юго-востоку от Азіи, до Китая и Японіи (открытой португальцами в 1542 году). В Африкѣ устанавливаются самыя хищническія, пиратскія формы торговли. Уже в первыя десятилѣтія XVI вѣка одной из важнѣйших ея статей сдѣлались невольники-негры, и Лиссабон превратился в один из главных рынков рабов (ежегодно продавалось по 10—12 тысяч рабов). Здѣсь без всякаго удержу хозяйничали тѣ характерныя фигуры начала новаго времени, тѣ искатели приключеній, которые соединяют в себѣ черты военных героев с чертами героев наживы, черты сеньера с чертами купца, и которые получили выразительное названіе „конкистадоров“¹⁾. Но здѣсь же, главным образом на островах, португальцы организовали построенные на рабском трудѣ пріиски и плантаціи.

¹⁾ „Завоевателей“. Наиболѣе ярко выражены черты этого типа в Кортесѣ и Писарро. Но к нему же принадлежал и Альбукерк, неутомимый организатор португальских экспедицій первой половины XVI вѣка, и Колумб, и Васко-де-Гама. Капиталистическій дух, капиталистическая жажда наживы, быстрые перевороты в торговых отношеніях, сказочно стремительное возвышеніе однѣх стран на счет других, борьба между ними, удивительныя удачи, превращающія в нѣсколько мѣсяцев бѣдняков, организаторов экспедицій, в крупнѣйших богачей,—все это вызывает „порываніе вдаль“ и создает инициаторов великих открытій, а на ряду с ними или внизу—толпы мелких „искателей приключеній“, мелких конкистадоров,

Такія же отношенія установились на островах Азіи и в нѣкоторых частях Индокитая. В Индостанѣ, как странѣ старинной культуры, с значительной плотностью населенія, такія примитивныя формы эксплуатаціи не могли имѣть мѣста. Португальцы создали здѣсь сложную систему колоніальнаго управленія, которая, подобно современной англійской, стояла над туземной системой и превратила послѣднюю в свой служебный аппарат. Мѣстные князьки сдѣлались послушным орудіем іерархіи португальских администраторов. Индостан—и обширныя области Индокитая—развился в португальскую колонію не только в экономическом, но и в политическом значеніи этого слова. Португальская торговля с Китаем и отчасти с Японіей по своим формам болѣе приближалась къ ганзейской торговлѣ в Новгородѣ или Бергенѣ, но по своим размѣрам она не имѣла такого значенія для португальцев, как непосредственная эксплуатація собственных владѣній. В Америкѣ Португалія захватила Бразилію, но эта огромная область, как колонія, сначала не представляла особенной цѣнности.

Таким образом развивающійся торговый капитал уже в XVI вѣкѣ создал колоссальное колоніальное царство, во много раз превосходящее по размѣрам и эфемерное македонское объединеніе, и Римскую имперію, которая даже в свой блестящій період почти не выходила за бассейны Средиземнаго моря, и арабскія государства, взаимная связь которых оказалась притом очень непрочной и недолговѣчной. По своей широтѣ экономическія отношенія новаго времени уже в Португаліи оставили далеко позади все, что было извѣстно древнему и средневѣковому міру.

Португалія расширяла и удерживала свои колоніальныя владѣнія в теченіе всего XV и XVI вѣка. Не экономическія причины, не методы хозяйствованія повели къ крушенію ея колоніальнаго могущества: ея торжествующіе преемники, голландцы и англичане, усвоили тѣ самые способы эксплуатаціи, начало которым было положено португальцами. Прямое разграбленіе начало отмирать еще при господствѣ португальцев, так как оно по самому своему существу возможно не как длительная система, а скорѣе как акт однократный. Португалія утратила колоніи потому, что политически она, хотя и превосходила средневѣковыя го-

которые дают детальную разработку великому дѣлу своих предшественников: за эпизодическим, поверхностным разграбленіем новых стран несут разграбленіе вглубь, принимаютъ за туземцев влиятельную. Характерно то замѣтное мѣсто, которое занимают феодальные элементы—мелкіе сеньеры и рыцари—среди конкистадоров, вышедших с Пиренейскаго полуострова. При быстром развитіи пиренейской торговли, прибрежныя части полуострова стремительно переходили от феодализма къ торговому капитализму, и сеньер без всяких промежуточных ступеней становился конкистадором: наполовину корсаром, наполовину купцом.

родскія области, была слишком ничтожной величиной (ея населеніе в XVI вѣкѣ лишь немногим превышало 1 миллион) по сравненію с государствами новаго времени: Испаніей и Англіей. Ея судьба показала, что в новое время будущность принадлежит только болѣе или менѣе крупным и сплоченным политическим объединеніям. Началом ея краха было вынужденное соединеніе с Испаніей (1581 год), — страной, в которой господство принадлежало феодалам, знакомым только с самыми отсталыми, самыми примитивными формами хозяйничанья в колоніях, мало отличавшимися от прямого грабительскаго захвата добычи. Не способная организовать управленіе португальских колоній, Испанія была неспособна отстоять их от Голландіи, которая только-что освободилась от ея варварскаго управленія, и от Англіи, которая, нанося удары испанцам, сокрушала и колоніальное могущество португальцев. Когда в концѣ XVII вѣка Португалія послѣ упорных войн возстановила свою независимость, было уже слишком поздно: болѣшая часть колоній была захвачена голландцами и англичанами, флот уничтожен, португальскіе купцы оказались способными организовать в широком масштабѣ только работорговлю. Из мірового центра, каким была Португалія XVI вѣка, она превращается в одну из самых отсталых стран континента.

Исторія торговаго капитала Испаніи, это — исторія ея американских колоній. Итальянская торговля дала первый толчок развитію испанской торговли, центром которой в теченіе долгаго времени была Барселона (в Каталоніи). С открытіем выхода в Атлантическій океан ускорил рост испанской торговли, — и начались уже знакомые нам поиски обходных путей на Восток. Совершенно естественно, что итальянцы всѣми доступными способами боролись против предпріятій этого рода, и что генуэзец Колумб не встрѣтил на родинѣ сочувствія своим планам. Португалія, увѣренно приближаясь к разрѣшенію задачи на обходных путях вокруг Африки, уже нашла широкія области, в которых быстро развѣртывались различныя формы колоніальнаго хозяйства. Так, случилось, что итальянец Колумб принялся за осуществленіе своих идей на службѣ Испаніи и вмѣсто пути на Восток открыл для нея новую, западную часть свѣта, Америку (1492 год).

Колоссальныя богатства, накопленныя в Мексикѣ и Перу на протяжении их многовѣковаго экономическаго развитія, и слабая способность к сопротивленію, обусловленная значительной изолированностью их существованія на американском материкѣ, предрѣшили основной метод хозяйничанья испанцев. Это было безпощадное разграбленіе, послѣ котораго от этих обществ с очень высокой экономической культурой осталась такая же пустыня, как от хозяйничанья итальянцев в Левантѣ и португальцев — в нѣкоторых прибрежных частях Африки и на нѣкото-

рых островах Азии. Прямой и единственной целью всех экспедиций было непосредственное завладение драгоценными металлами и камнями¹⁾. Оно велось так энергично, что через какие-нибудь полвека туземное население сократилось на 50 и даже на 75%. Старая экономическая жизнь была в корень разрушена, никакой новой не было создано.

Бродячая, разрозненная племена центральной Америки, с которыми приходилось потом иметь дело испанцам, были неспособны оказать организованного сопротивления, но своими партизанскими нападениями требовали от европейцев огромных затрат деньгами и людьми; прошлой историей они еще не были подготовлены к тому, чтобы послужить базисом таких форм принудительного производства, как в некоторых африканских и азиатских колониях итальянцев и португальцев; но они манили конкистадоров своими драгоценными украшениями и огромными естественными сокровищами—благородными камнями и металлами,—скрытыми в их территориях. Совершенно естественно, что конкистадор до самого конца оставался типичной фигурой испанских колоний, и что возможность извлекать из них богатства вне-производственным способом повела к полному упадку испанской промышленности, а вместе с тем—уже в конце XVI века—к полному крушению ее морского и политического могущества. Не фатальная случайность, не буря, разметавшая пресловутую „Непобедимую Армаду“ Филиппа II, повела к торжеству над ним Англии: экономическое развитие, которое опять передвигало центр европейской жизни на северо-запад Европы, подготовило это торжество так же, как и освобождение Голландии от Испании. Если что и было „случайным“ эпизодом,—так это только та колоссальная роль в судьбах Европы, которая временно выпала на долю Испании, и, пожалуй, тот огромный размах, который приобрели в XV—XVI века колониальные предприятия португальцев. Блестящими успехами Испании и Португалии могли быть только временно отодвинуты на задний план те прочные приобретения, которые внутреннее экономическое развитие давало Нидерландам, Англии и отчасти Франции.

До XVI века Нидерланды вообще и территория позднейшей Голландии в частности были больше промышленной, чем торговой страной. Наиболее крупное значение имела шерстяная промышленность, которая потребляла сырье, вывозившееся из Англии. Но и шелк вывозился из Италии в Нидерланды в сыром виде и здесь перерабатывался в разнообразные ткани: обстоятельство, как нельзя более характерное

¹⁾ Плодороднейшие юго-восточные области современных Соединенных Штатов на старинных испанских картах изображались с пометкой: „не представляют никакой ценности“.

для уровня промышленного развития Нидерландов. Ганза решительно пресѣкала в самом началѣ всѣ попытки нидерландцев захватить часть ея торговых сношеній. Амстердам, впоследствии глава голландскаго союза, в XV вѣкѣ был болѣе городом рыбаков, чѣм торговым центром. Его рыбныя ловли простирались до далекаго сѣвера, заходили в полярную область¹⁾.

В связи с господствующим значеніем промышленности (и рыбной ловли) для всей жизни страны ея общественная структура пріобрѣла особый отпечаток. Зачаточная буржуазія быстрѣ развивалась к высшим формам и в области экономических отношеній получала перевѣс над феодальными элементами. В Испаніи и Португаліи главным инициатором далеких экспедицій был феодал, первоначальные ресурсы для них давало феодально-организованное производство, первичной цѣлью их было—освободить феодала от торговых посредников, стоявших между ним и далекими странами, производительницами предметов роскоши. В Нидерландах первичный толчок, пробудившій „стремленіе к неизвѣстному“, исходил из сферы промышленности: она искала собственных путей к тѣм рынкам, которые итальянцы, ганзейцы, португальцы, испанцы обслуживали ея продуктами. В Голландіи мы впервые наблюдаем эмбриональную, смутную форму той проблемы, которая для буржуазіи развито-го капиталистическаго общества вырастает в грозный „вопрос о рынках“.

Голландскіе корабли XVI вѣка направлялись не рукой конкистадора, как на югѣ Европы, а рукою дѣльца, который на протяженіи нѣскольких поколѣній пріучился к коммерческим операціям и старался теперь дать каждому предпріятію опредѣленность и ясность арифметической задачи. Историки экономического развитія обычно отмѣчают трезвенный, коммерческий, капиталистически-купеческій характер голландской торговли в противоположность „блеску“ и „героизму“ португальских и испанских экспедицій. Голландцы не открывали новых путей: они с неизмѣнной настойчивостью шли по уже проторенным путям и

¹⁾ Рыбная ловля вообще сыграла не малую роль в экономическом развитіи разных стран, как подготовительная школа мореплаванія. Венеція в VIII вѣкѣ была поселеніем рыбаков. Висмар, Рошток, Штральзунд и еще нѣкоторые ганзейскіе города первоначальным своим подъемом были обязаны сельдяным ловлям. Позже, когда стада сельдей стали направляться для метанія икры не к берегам Помераніи, а к берегам южной Швеціи, датчане развиваются в опытных мореплавателей. С рыбной ловли начались морскія предпріятія нидерландцев, англичан, впоследствии и норвежцев. На сѣверо-западѣ Европы, благодаря всей исторической обстановкѣ, переход к міровой торговлѣ обычно совершался от рыболовства, которое успѣло получить выдающееся значеніе в международных сношеніях. Этим между прочим объясняется то обстоятельство, что здѣсь профессиональный купец болѣе опредѣленно отдифференцировался от сеньера, чѣм на югѣ Европы.

старались прочной, упорной работой урвать добычу из рук конкистадоров¹⁾.

Маленькая Голландія сама по себѣ едва ли могла бы восторжествовать над Испаніей (и соединенной с ней Португаліей), одной из сильнѣйшихъ держав XVI вѣка²⁾. Но такія же глубокія причины, кото-

1) Эта традиціонная характеристика нуждается в нѣкоторых поправках, поскольку она игнорирует тот факт, что португальская (и даже итальянская) колониальная политика в ея позднѣйших, высших формах была переходной ступенью к голландской (и англійской) колониальной политикѣ XVII—XVIII вѣка, и поскольку дѣло касается героизма. Первые конкистадоры шли навстрѣчу неизвѣстным опасностям; голландскіе (и англійскіе) мореплаватели, которые стремились прорваться в монополю владѣнія испанцев и португальцев, сознательно шли на исполнѣ опредѣленные опасности: на гибель во льдах Ледовитаго океана на встрѣчи с охранными эскадрами, на смерть или плѣн, на пожизненную работу в галерах, на медленное угасаніе в невольничествѣ. Здѣсь требовался героизм иного характера, но едва ли меньшій, чѣм в первом случаѣ. С другой стороны, до послѣдних десятилѣтій XVI вѣка в Голландіи (и Англии) не прекращались попытки найти и самостоятельные пути для торговли, обойти португальцев с тылу так же, как португальцы в свое время обошли итальянцев. Поиски естественно направились на сѣверо-запад и на сѣверо-восток, гдѣ не угрожали встрѣчи с соперниками. В процессѣ этих поисков голландцы и англичане частью открыли, частью ближе изслѣдовали, Исландію, Гренландію, Шпицберген, Сѣверную Америку, пробрались вдоль берегов Ледовитаго океана до Сибири (до Новой Земли), — открыли пути, на которые мореплаватели вновь отважились пуститься лишь в послѣдней трети XIX вѣка. Одна из таких англійских экспедицій, направленных в обход южно-европейской торговли, получила особенную извѣстность в русской исторіи. Это — экспедиція Ченслера, который попал в Бѣлое море, к устью С. Двины, и отсюда пріѣхал в Москву, гдѣ заключил торговый договор с Иваном IV. Англія становится послѣ этого преемницей Ганзы в торговлѣ с Россіей, пока и она во второй половинѣ XVII вѣка не была вытѣснена голландцами. Но „открытіе“ Россіи было для англичан лишь попутным результатом в их поисках дороги к Востоку. Экспедиція Ченслера нашла продолженіе, — и в том же XVI вѣкѣ англичане пробрались до Каспійскаго моря, а отсюда через Туркестан — до Персіи. Вообще всѣ открытія голландцев и англичан непосредственно не имѣли такого крупнаго экономическаго значенія, как испанскія и португальскія открытія; но их географическое значеніе не становится от этого меньше. К концу XVII вѣка эпоха великих открытій закончилась: торговый капитал изучил весь земной шар, поскольку это могло интересоваться его на данной ступени развитія.

2) К половинѣ XVIII вѣка населеніе Голландіи немногим превышало 1 миллион. Из этого числа на один Амстердам приходилось 200.000: обстоятельство, которое, при децентрализованном характерѣ тогдашней промышленности, уже само по себѣ краснорѣчиво говорит о том, насколько гипертрофирована была торговля Голландіи. Для XVI вѣка существуют только отрывочныя данныя о численности голландскаго населенія. — Населеніе Испаніи к началу XVI вѣка опредѣляется в 11 миллионѣ. Но уже к 1575 году оно упало до $6\frac{3}{4}$ милл.

рыя толкали ее на борьбу с Испаніей, дѣйствовали и в Англіи (а в XVII вѣкѣ, в особенности с Тридцатилѣтней войны, и во Франціи). Голландія, как член этой коалиціи,—то оформленной, то просто фактической, выражавшейся иногда в договорах между государствами, а чаще всего—в простой одновременности их дѣйствій против общих врагов,—могла постепенно усилиться на морях и вступить сначала в скрытую, а потом и в открытую борьбу с Испаніей.

Быстрое развитіе нидерландской торговли началось вслѣд за португальскими и испанскими открытіями, которые перенесли главный центр международных сношеній с Балтійскаго и Нѣмецкаго моря на Атлантическій океан. Здѣсь Ганза была безсильна подавить своих конкурентов,—здѣсь она должна была считаться с ними как с равноправною стороною и на одинаковых основаніях с ними завязывать торговые отношенія в Лиссабонѣ, Севильѣ и Кадиксѣ, главных портах Пиренейскаго полуострова. Со второй половины XV и до конца XVI вѣка здѣсь, а не на сѣверо-западѣ, производятся самыя блестящія торговые операціи. Сюда приходили сокровища, награбленные в колоніях, отсюда шли корабли, которые нагружались винами, шелковыми и шерстяными тканями и прочими продуктами европейской промышленности и сбывали их потом португальским и испанским колонизаторам. Бѣшенныя цѣны, которыя платили за эти предметы счастливые завоеватели, первоначально дали мощный толчок испанской промышленности (и нѣкоторым отраслям земледѣлія). В первыя десятилѣтія по открытіи Америки испанскій берег от Хереса до Малаги сплошь покрылся виноградниками. Севилья и Кадикс ежегодно отпускали в колоніи разных вин до 140.000 центнеров, т.-е. болѣе 520.000 ведер; в то же время скачками выросла шелковая и шерстяная промышленность Испаніи (в Сеговіи, Куэнкѣ и проч.), организованная преимущественно морисками, потомками мавров и наслѣдниками их коммерческаго и промышленнаго опыта.

Но испанская промышленность с ея в общем средневѣковыми техническими и экономическими ресурсами не могла удовлетворить возрастающій спрос. С другой стороны, по мѣрѣ того, как испанец развивался в примитивнаго коммерсанта, он проникался все болѣе враждебностью к таким сравнительно совершенным коммерсантам, какими были мориски: развѣтывались явленія, близко напоминающія по своим основным источникам средневѣковый и новѣйшій антисемитизм. Головокружительные успѣхи в колоніях упрочили в господствующих классах Испаніи тот конкистадорскій отпечаток, довели до полной зрѣлости тот извѣстный тип гidalго, который сложился еще в истребительных войнах с маврами XIV и XV вѣка. И люди, и средства все исключительно вовлекались в колониальныя

авантюры. Промышленность стала хилѣть. Позже, когда наступили естественныя послѣдствія такой гипертрофіи хищническаго хозяйства, и неудачи начали слѣдовать за неудачами, отвѣтственность за них взваливалась на морисков, какъ наиболѣе видныхъ носителей новыхъ, капиталистическихъ принциповъ хозяйствованія. Тогда развернулась дѣятельность инквизиціи, и, наконецъ, морисковъ изгнали изъ Испаніи (вторая половина XVI вѣка). Испанской промышленности былъ нанесенъ смертельный удар.

По всѣмъ этимъ причинамъ въ XVI вѣкѣ промышленность сѣверо-запада находила на Пиренейскомъ полуостровѣ быстро расширяющійся рынокъ. По мѣрѣ того, какъ падала посредническая торговля итальянцевъ и ширилось колоніальное могущество Португаліи и Испаніи, пиренейскія гавани—Лиссабонъ, Севилья, потомъ Кадиксъ—превращались въ пункты, черезъ которые вся Европа снабжалась произведеніями колоній, въ первую очередь пряностями, красящими веществами и т. д. Цѣликомъ поглощенные дѣятельностью въ необъятныхъ колоніяхъ, португальцы и испанцы организацію торговли между своими гаванями и остальной Европой предоставили чужеземнымъ купцамъ. Въ этой области не малую роль играли въ началѣ XVI вѣка ганзейскіе корабли. Даже юго-западная Германія сдѣлала попытки пріобщиться къ сказочнымъ выгодамъ, извлекаемымъ изъ новыхъ колоній: такія колоссальныя торговыя фирмы, какъ Фуггеры, Вельзеры и др., устраиваютъ собственныя конторы въ Лиссабонѣ, снаряжаютъ суда для торговыхъ сношеній между югомъ Европы и Сѣвернымъ моремъ, добиваются разрѣшенія на отправку собственныхъ экспедицій въ колоніи.

Но когда торговля сѣверо-западной Европы вышла на Атлантическій океанъ, всѣ естественныя выгоды оказались на сторонѣ Нидерландовъ. Они превратились въ естественнаго посредника между югомъ и сѣверомъ. Антверпенъ сдѣлался необходимой станціей между пиренейскими гаванями съ одной стороны и Англіей, Германіей, скандинавскими странами и Россіей—съ другой. С половины XV вѣка значеніе Брюгге падаетъ, Антверпенъ становится и остается до конца XVI вѣка для сѣвера Европы тѣмъ, чѣмъ былъ Лиссабонъ для юга Европы того же времени, чѣмъ на Средиземномъ морѣ была Венеція для XIII—XV вѣковъ. Вельзеры, Фуггеры, Ганза,—всѣ основываютъ здѣсь собственныя факторіи. Но германскіе купцы нашли здѣсь только временную опору. Въ свободной борьбѣ на Атлантическомъ океанѣ Ганза была вынуждена уступить нидерландцамъ, которыхъ она такъ успѣшно тѣснила на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ, когда торговля не выходила изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, фактически сдѣлавшихся ея внутренними морями.

Однако уже со второй четверти XVI вѣка назрѣваетъ новый переворотъ въ области торговыхъ сношеній. Антверпенъ былъ центромъ болѣе или

менше легальной торговли, производившейся с вѣдома, если не с прямого разрѣшенія испанских и португальских властей. Его торговое значеніе было неотдѣлимо от регулярных, мирных, открытых связей с пиренейскими гаванями, в первую очередь с Лиссабоном. В конечном счетѣ, купцы, торговавшие через Антверпен, довольствовались той долей колониальной добычи, которую соглашались уступить им испанцы и португальцы.

Но в сѣверной части Нидерландов, отвоеванной у моря тяжелой борьбой и сроднившейся с морем в рыболовческих экспедиціях, возникла, зачастую под прикрытіем таких экспедицій, особая отрасль торговли: контрабанда, развившаяся в систему¹⁾. Державшійся сначала около европейскаго побережья, контрабандный промысел с теченіем времени расширил размах своих операций и зашел в тыл пиренейским купцам в юго-восточной Азіи и в Америку. Главную роль в этой торговлѣ играл Амстердам. Он, в противоположность Антверпену, почерпал свои силы не в регулярных сношеніях с Лиссабоном, а в систематическом обходѣ Лиссабона и других пиренейских гаваней. В то время, как Антверпен жил пиренейской торговлей, Амстердам скоро занял самостоятельную позицію: суженіе и полное уничтоженіе морского господства испанцев и португальцев сдѣлалось главным условіем его экономическаго расцвѣта. Для Антверпена было бы самоубійством рѣшительно, революціонно выступить против испанскаго короля (который был одновременно и королем Португаліи), а слѣдовательно, и против папы, от котораго король получил колоніи в качествѣ лена. Для Амстердама церковная реформація постепенно превратилась в символ экономической независимости.

¹⁾ Конечно, не малую роль играла контрабанда и для южной части Нидерландов. Но здѣсь она велась болѣе с попустительства испанцев и португальцев. Напр., военные суда послѣдних, отправляясь в колоніи на борьбу с контрабандным ввозом и вывозом, „тайно“ брали огромныя количества товаров от нидерландских купцов, продавали в колоніях, нагружались колониальными продуктами, — и так же „тайно“ доставляли их нидерландским (и англійским) купцам. Дѣйствительная борьба с контрабандой в XVI—XVIII вѣках вообще была технически и экономически невозможна. Ни для кого не было тайной, что нидерландскіе и англійскіе купцы, являясь в пиренейскія гавани и в колоніи, совершали на виду у властей, с уплатой всѣх установленных пошлин, лишь небольшую долю торговых операций. Фактически неуловимая, контрабанда в извѣстном смыслѣ была узаконена: испанцы и португальцы облагали всѣ иностранныя суда, являющіяся в их владѣнія, особыми сборами, которые так и считались пошлинами — или штрафами — за контрабанду, оставшуюся ненакрытой. Точных данных об относительной роли контрабанды и легальной торговли нѣтъ и быть не может. Однако нѣкоторые историки не без основаній предполагают, что контрабанда давала до 50, даже до 75% всего ввоза в испанскія колоніи.

Таким образом нидерландская революція и ея окончательный исход (послѣдняя четверть XVI вѣка) по существу просто констатировали экономическія различія между югом и сѣвером Нидерландов. Десять южных штатов (приблизительно территорія современной Бельгіи) послѣ нѣскольких лѣтъ борьбы против испанцев изъяснили покорность испанскому королю и остались вѣрными католиками. Семь сѣверных штатов все поставили на карту, нанесли страшные удары испанцам на сушѣ и на морѣ, сдѣлались рѣшительными протестантами, дали пріют гонимым в других странах сектантам (и морискам) и, наконец, добились полной политической независимости. Это—Голландія с Амстердамом во главѣ.

Чтобы смирить Голландію, испанцы закрыли для ея (и англійских) кораблей лиссабонскую гавань. Эта мѣра была бы достаточно грозной для Антверпена, но, примѣненная к Амстердаму (и Англіи), она только дала ускоряющій толчок его развитію. Голландская торговля превратилась из контрабанднаго в пиратскій, или каперскій, промысел. В борьбѣ за свою независимость Голландія в союзѣ с Англіей нанесла страшные удары испанскому военному флоту. Послѣ того он был уже не в состояніи давать достаточную охрану міровой торговлѣ Испаніи. Испанскіе корабли, направляющіеся с драгоцѣнными грузами в метрополію, захватывались голландцами и на Атлантическом, и на Индійском океанѣ, и у берегов Америки, и у самаго Пиренейскаго побережья. В то же время, изгнанные из Лиссабона, голландскіе купцы уже через десять лѣтъ послѣ этого сами снарядили флот в Ост-Индію и начали вытѣснять из нея португальцев. Борьба велась с такой несокрушимой энергіей, что через какія-нибудь 50 лѣтъ, к половинѣ XVII столѣтія, голландцы захватили огромную и наиболѣе цѣнную для того времени часть португальских и испанских владѣній в Азіи и Африкѣ. В Америкѣ они вели борьбу с меньшей энергіей; они предпочитали перехватывать испанскіе корабли, направившіеся отсюда. Но в концѣ-концов и здѣсь овладѣли огромными территоріями. С начала XVII вѣка Амстердам сдѣлался преемником Лиссабона в качествѣ центра міровой торговли¹⁾.

Мы видѣли, что нидерландская торговля при своем зарожденіи представляла нѣкоторыя отличія от пиренейской торговли. Во-первых, ея первоначальным источником было не развитіе феодальнаго, преобладающе земледѣльческаго производства и соответствующаго способа присвоенія, а развитіе рыболовства и промышленности,

¹⁾ Во второй половинѣ XVII вѣка Кольбер опредѣлялъ численность всего торговаго флота Европы в 20.000 морских судов; из этого числа на долю Голландіи приходилось 16.000 судов.

т.-е. таких сфер экономической жизни, в которых раньше и полнее всего осуществляется отрицание феодальных методов присвоения. Во-вторых, нидерландский купец по общему характеру своей деятельности и по всему духовному облику несравненно больше приближается к буржуа позднейшей капиталистической эпохи, чем к сеньеру средних веков. В-третьих, по историческим условиям развития нидерландской торговли, не монополия, а свобода конкуренции—с англичанами, датчанами, ганзейцами, южно-германскими купцами—была той стихией, в которой она выросла. Не даром первым голландским купцом, наиболее характерным для Нидерландов, был контрабандист, этот практический предтеча фритрадеров-теоретиков, на целые столетия упредивший их появление.

Но такой строй голландская торговля сохраняла лишь до тех пор, пока господство на море и в колониях принадлежало пиренейским странам. Уже отношения борьбы содействовали расцвету пиратского промысла: возрождению тех примитивных форм, которые послужили отправной точкой при развитии обмена феодальной эпохи. По мере того, как Голландия овладевала португальскими колониями, она, подобно португальцам, приурочивала свои методы эксплуатации к тому общественно-экономическому строю, который находила в колониях: она брала различные ступени и переходные формы феодальных, рабовладельческих и крепостнических отношений, которые там существовали до ее появления—и даже до появления португальцев,—систематизировала и усиливала туземные методы эксплуатации и просто надстраивала над ними ново-европейскую, торгово-капиталистическую эксплуатацию. Следовательно, голландский колонизатор по своим экономическим функциям опять представляет переходную форму от сеньера к купцу, или соединяет в своем лице того и другого. В этом смысле он возвращается к строю ранней средневековой, напр., итальянской торговли: явление, которое и впоследствии повторяется в колониях и отсталых странах и будет повторяться до тех пор, пока в них сохраняются остатки феодализма и производных от него форм.

Наконец, с свободной торговлей голландцы мирились только до тех пор, пока принуждались к ней обстоятельствами. Уничтожив морские силы пиренейских государств и овладев их колониями, голландцы постарались создать для себя абсолютную торговую монополию.

В Италии патрициат каждого отдельного торгового города старался монополизировать всю торговлю, главной ареной которой было Средиземное море. Средневековая Ганза осуществляла на Балтийском и Северном морях торговую монополию для неоформленного союза из немногих десятков городов, из которых каждый в своей особенной области оставался сред-

невѣковым монополистом. Португалія и Испанія, сдѣлавшія нѣкоторый шагъ къ объединенію въ національныя государства, монополизировали всю торговлю, защищали колоніи отъ иностранныхъ купцовъ уже въ интересахъ „всей націи“, т. е. въ интересахъ всего португальскаго и испанскаго купечества. Но фактическое использование монопольнаго положенія въ колоніяхъ и на моряхъ осуществлялось еще не въ національномъ масштабѣ: національная монополія дробилась и дѣлилась между сравнительно небольшими товариществами купцовъ, получавшими исключительное право на вывозъ изъ колоній такихъ-то продуктовъ, на устройство плантацій въ такой-то области, на эксплуатацію такихъ-то острововъ и земель, которые они откроютъ или изслѣдуютъ, напр., въ Мексиканскомъ заливѣ. Словомъ, португальскія и испанскія монопольныя компаніи далеко еще не отрѣшились отъ средневѣковыхъ отношеній, когда торговцы каждаго города старались монополизировать въ своихъ рукахъ весь обмѣнъ своей области и когда каждая торговая гильдія отстаивала въ этой области свое исключительное право на торговлю опредѣленными товарами.

Голландія сдѣлала новый шагъ впередъ отъ средневѣковаго строя торговли. Уже въ 1602 году, — раньше чѣмъ завершилась борьба съ Испаніей, — купеческія компаніи, образовавшіяся въ различныхъ городахъ для организаціи самостоятельной ост-индской торговли, слились въ одну, такъ называемую ост-индскую компанію. Одной изъ непосредственныхъ ея задачъ была совмѣстная оборона отъ испанскихъ судовъ и захватъ этихъ судовъ, гдѣ и когда было возможно. Такимъ образомъ первоначальный флотъ компаніи былъ чисто каперскимъ флотомъ, соединявшимъ въ себѣ черты торговаго и военнаго флота. Участіе въ компаніи сдѣлалось заповѣдью патриотизма. Быстро былъ составленъ основной капиталъ въ 6¹/₂ милліоновъ флориновъ, раздѣленный на акціи по 3.000 флориновъ каждая. Съ захватомъ португальскихъ колоній дирекція компаніи, состоящая изъ 17 членовъ, фактически превратилась въ неограниченное правительство этихъ колоній. Она объявляла тамъ войну, заключала миръ, содержала собственное войско, чеканила монету, назначала и смѣшала по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновниковъ. Только послѣднимъ и разрѣшался доступъ въ Ост-Индію. Остальнымъ пребываніе въ ней воспрещалось подъ страхомъ смертной казни. Для голландцевъ эта суровая монополія боминально была смягчена тѣмъ, что каждому голландскому гражданину предоставлялось приобрести акціи компаніи и въ соотвѣтствующей долѣ участвовать въ ея прибыляхъ. На практикѣ, съ повышеніемъ цѣны акцій, это право утратило всякое значеніе, такъ какъ обладатели акцій не разставались съ ними и въ продажѣ ихъ не было. Ост-индская компанія, національная по названію, превратилась въ довольно узкую и замкнутую корпорацію немногихъ воротилъ, которые захватили главныя выгоды ост-индской торговли. Въ общемъ на такихъ же основахъ

была организована в 1616 году и вест-индская компания, в которой пиратские и контрабандные операции получили еще более длительный перевес над другими, чем в ост-индской компании.

Первые шаги в развитии торгового могущества Англии живо напоминают историю голландской торговли. Перебросившие главных торговых путей на океан освободило английских моряков от подавляющего влияния Ганзы, — открыло арену, на которой монополии могли сложиться только в итоге более или менее длительной свободной борьбы. Контрабандная торговля и здесь сыграла огромную роль. Но, в отличие от нидерландцев, английские моряки, — как и французские, — чувствуя за своей спиной сильное и политически самостоятельное государство, могли быстрее перейти от тайной контрабанды к явному каперскому промыслу¹⁾. Там области, которые Англия в XVI веке открывает и захватывает в северной Америке, первоначально ценились преимущественно как опорные пункты, из которых английские мореплаватели могут предпринимать свои пиратские (и контрабандные) экспедиции. Выдающиеся пионеры английских географических открытий последней четверти XVI века, Дрейк и Рэли, по существу были пираты, которые, получая государственную поддержку, могли организовать свои экспедиции в самом крупном масштабе.

В этих операциях развивалось английское мореплавание и крепло экономическое, а вместе с ним и политическое влияние английской торговой буржуазии. Короли, глухие к ее требованиям в средневековый период, уступают ей, когда, по мере ее превращения в экономически руководящий общественный класс, ее требования разрастаются в „народные требования“, когда они становятся лозунгом бурных вспышек и мятежей. Открылась эра „национальной политики“, — по традиционным представлениям со времен Елизаветы, в действительности уже к половине XVI века. Когда судьба Карла V показала, что представляемая им Германская империя — политическая фикция, английские короли начали последовательную борьбу против привилегий ганзейских и итальянских купцов. От Ганзы требуют, чтобы она открыла свои гавани английским судам. Повышают пошлины на ввозимые и вывозимые ею товары. Совершенно уравнивают ганзейских купцов с остальными иностранцами (1576 г.). Следовательно, подчиняют их режиму свободной конкуренции, — но только для того, чтобы через несколько лет сделать решительный шаг к монополизации английского рынка английскими куп-

¹⁾ Уже тот корабль, на котором везли долю испанского короля из сокровищ, нагребленных в Перу, попал в руки французов, и добыча досталась французскому королю.

цами: Steel Yard, Стальной Двор—лондонская факторія ганзейских купцов—закрывается, и всѣм нѣмцам предписывается выѣхать из Англіи (1597 г.). Эта мѣра, благодаря всему направленію экономическаго развитія, оказалась столь же премудрой, сколь неразумны были, в глазах позднѣйших историков, совершенно такія же мѣры, когда онѣ принимались Филиппом испанским, злополучным противником Елизаветы англійской.

Закрытіе лиссабонской гавани для англичан оказало на них такое же дѣйствіе, как на голландцев. Одна за другой возникали компаніи *marchant adventurers*—купцов, идущих на риск,—которые, подобно голландцам, стремились завести самостоятельныя сношенія с Ост-Индіей. Это им удалось к началу XVII вѣка. Тогда же возникла англійская ост-индская компанія, которая примѣняет, сначала в сравнительно ограниченной сферѣ, тѣ же методы хозяйствованія и управленія, как голландская ост-индская компанія, а потом, с начала XVIII вѣка, захватывает одну за другой главныя колоніи послѣдней. С конца XVI вѣка начинаются колоніальныя предпріятія англичан и в Америкѣ, главным образом в Сѣверной. Как и Голландія, Англія должна была закладывать основы своего морского могущества в упорной борьбѣ с пиренейскими странами. Как и в Голландіи, церковная реформа становится боевым лозунгом: борьба с папизмом со второй половины XVI вѣка пріобрѣтает огромную популярность в низах населенія. Враги папы—враги Испаніи, его главной опоры,—гонимые в разных странах континента, встрѣчали сочувственный пріем в Англіи, находили здѣсь своеобразную полноту религіозной свободы, которая мирится с существенными ограниченіями католиков, и несли сюда богатый промышленный опыт Испаніи, Франціи, Фландріи и южной Германіи (главным образом со второй половины XVII вѣка).

Эра національной политики, открывшаяся со второй половины XVI вѣка, в XVII вѣкѣ нашла послѣдовательное продолженіе. Но теперь ея лозунгом была уже не „Англія для англичан“,—т.-е. для торговой буржуазіи,—а нѣчто болѣе грандіозное: „міровая торговля для англичан“. Практически это означало борьбу против торговой гегемоніи Голландіи. Рѣшительная стадія этой борьбы открылась знаменитыми Навигаціонными актами Кромвеля (законами о мореплаваніи; вторая половина XVII вѣка). Наиболѣе важные пункты этих актов слѣдующіе: продукты азіатскаго, африканскаго или американскаго производства могут ввозиться в Англію только на судах, которыя принадлежат англичанам и на которых англичанам же принадлежит численный перевѣс в составѣ команд; европейскіе товары ввозятся на англійских же судах или на судах тѣх стран, гдѣ эти товары произведены; даже англійскія суда подвергаются харак-

терному ограниченію: они могут брать чужеземные товары только в странах производства послѣдних, но отнюдь не из голландских складов и гаваней.

Историки часто приписывают этим мѣрам созданіе морского могущества Англіи. В дѣйствительности их блестящій успѣх вытекалъ из того, что онѣ просто резюмировали, формулировали в принципиальной, обобщенной формѣ тѣ фактическія отношенія, которые начали складываться с конца XVI вѣка.

Против маленькой Голландіи у Англіи былъ значительный перевѣс силъ крупнаго государства¹⁾. Такъ могло случиться, что к началу XVIII вѣка Амстердамъ въ качествѣ мірового торговаго центра смѣняется Лондономъ. Когда Петр I поѣхалъ въ Голландію учиться морскому дѣлу, ея славные дни лежали уже позади. А черезъ нѣсколько десятилѣтій Англія начала захватывать одну голландскую колонію за другой, какъ за столѣтіе с небольшимъ до того времени голландцы завоевывали колоніи португальцевъ. Къ половинѣ XVIII вѣка Англія становится почти единственною наслѣдницею наиболѣе цѣнныхъ колоніальныхъ владѣній португальцевъ, испанцевъ голландцевъ и увеличиваетъ ихъ громадной долей сѣвероамериканскаго материка. Въ сферѣ торговли ей принадлежалъ подавляющій перевѣсъ. Ея торговую монополію съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, иногда съ крупнымъ успѣхомъ, оспаривала только Франція. Торговое соперничество Англіи и Франціи составляетъ главное содержаніе политической исторіи XVIII вѣка.

* * *

Въ торговой исторіи Византіи, Италіи, Ганзы, пиренейскихъ странъ, Голландіи, Англіи, охватывающей въ общей сложности до $\frac{3}{4}$ тысячелѣтій, имѣется одна общая и постоянная черта, которая позволяетъ разсматривать эту эпоху подъ одной общей рубрикой: развитіе торговаго капитала. Капиталъ возникаетъ здѣсь на базисѣ чуждой ему организаціи производства: онъ беретъ переходныя формы феодальной и ремесленной организаціи производства, которыя застаетъ въ различныхъ странахъ, и не измѣняетъ существенно этихъ формъ, не подчиняетъ себѣ непосредственно. Совершаетъ ли онъ прямое разграбленіе новыхъ странъ, или организуетъ его съ болѣею утонченностью, подъ видомъ обмѣна, его отношеніе къ производству остается одинаково вышнимъ. По своимъ экономическимъ функціямъ онъ — посредникъ между производствами европейскихъ странъ и колоній.

Конечно, во всѣхъ колоніяхъ раньше или позже наступаетъ пора, когда такіе упрощенные методы эксплуатаціи окончательно подтачиваютъ свой

¹⁾ В половинѣ XVIII вѣка въ Англіи (безъ Ирландіи и Шотландіи съ ихъ общей цифрой населенія до $2\frac{1}{2}$ мил.) насчитывалось до $6\frac{1}{2}$ мил. душъ.

собственный базис. Примитивная система грабежа постепенно смѣняется усовершенствованным аппаратом одновременных контрибуцій и хотя бы нѣсколько урегулированных даней: аппаратом, который до сих пор составляет главный элемент, напр., англійскаго управленія Индостаном. Торговый капитал не создает здѣсь новаго экономического строя: он скорѣе консервирует существующій строй. Его роль и в этом случаѣ преимущественно посредническая: обмѣн прибавочнаго продукта, произведеннаго при нѣсколько видоизмѣненном старом экономическом строѣ—феодальном, рабовладѣльческом, крѣпостническом,—на прибавочный продукт, который присвоивается в Европѣ тоже старыми методами эксплуатаціи, при старом же производственном строѣ.

Болѣе близким отношеніе капитала к производству становится с того времени, когда ему приходится организовать сахарно-тростниковыя, кофейныя плантаціи или добываніе благородных металлов. Однако и в этом случаѣ торговый капитал не является творцом новых экономических форм, а или просто усваивает тѣ формы, которыя встрѣтил в Африкѣ и на островах Азіи, или переносит их в новыя страны, напр., в Америку. Во всяком случаѣ здѣсь нѣтъ никакого шага вперед от тѣх отношеній, в которых существовала земледѣльческая Европа: в купцѣ, хотя бы у себя дома он уже не был сеньером, на колоніальной почвѣ опять возрождается феодальный эксплуататор,—но еще болѣе суровый, чѣм в метрополіи.

В Италіи и в Испаніи, с развитіем торговаго капитала, возникали отрасли промышленности, рассчитанныя почти исключительно на вывоз: в Италіи—производство шелковых и шерстяных тканей, металлических зеркал, бус и других стеклянных издѣлій; в Испаніи—винодѣліе, различныя отрасли текстильной промышленности. Но для торгово-капиталистической эпохи характерно то обстоятельство, что не столько расширяющаяся промышленность ищет возрастающих рынков, сколько торговля для своих собственных потребностей создает ту или иную отрасль промышленности: промышленность играет здѣсь служебную роль при торговлѣ, живет и умирает вмѣстѣ с послѣдней. При той подавляющей роли, какую играет здѣсь торговый капитал, понятно, что вся примитивная капиталистическая энергія направляется в одну сторону. Существованіе промышленности в торговых странах оказывается эфемерным, намѣчается то своеобразное международное раздѣленіе труда, при котором во Флоренціи, Фландріи, Германіи, Англии все болѣе развиваются различныя отрасли экспортной промышленности, а Венеція, Испанія, Португалія все с большею исключительностью вырабатываются в торговых посредников между Европой и внѣ-европейскими странами. Отсюда—их быстрый экономическій упадок, слѣдующій за упадком их посреднической торговли.

Торговому расцвѣту Голландіи и Англіи предшествовали вѣка ремесленного развитія и такой мало привлекательной для феодала дѣятельности, как рыболовство. Здѣсь господство феодальнаго производства и феодальных экономических отношеній уже не было безраздѣльным, и не от них, а скорѣе из сферы промышленности (судостроеніе, канатное и парусное производство, мыловаренное, писчебумажное и проч.) исходил первоначальный толчок торговому развитію; вся торговля приобрѣла болѣе плебейскій уклад. Но в торговой исторіи Голландіи туземная промышленность сыграла извѣстную роль на сравнительно короткое время. По мѣрѣ того, как головокружительным темпом росло колоніальное царство, всѣ капиталистическія силы маленькой страны поглощались посреднической торговлей и обслуживающими ее колоніальными предпріятіями. Собственная промышленность падала, хотя и не в такой мѣрѣ, как на Пиренейском полуостровѣ, особенно в Испаніи. Благодаря болѣе плебейскому складу всѣх отношеній, Голландія надолго, даже до сих пор, занимает видное мѣсто и в сферѣ морского транспорта.

Быстрое развитіе англійской промышленности началось с конца XVII вѣка. Но и здѣсь промышленный капитал еще долго ступенькался по своему значенію перед торговым капиталом. Производственный капитал был еще настолько слаб, что создаваемые им по своему образу и подобию формы отступали на задній план перед старыми формами производства. Служебное, второстепенное значеніе производственнаго капитала обнаруживается между прочим и в том, что одной из первых отраслей, в которых он развивается сравнительно быстро, является судостроеніе, вырастающее на базисѣ транспортной промышленности¹⁾.

На протяженіи значительной части XVIII столѣтія колоніальная политика Англіи, международные договоры, мир и война диктовались преимущественно интересами торговаго капитала. Даже тот конфликт с сѣверо-американскими колоніями, который повел к войнѣ за независимость (1775—1783 г.) и к образованію Соединенных Штатов, был вызван в первую очередь торговыми интересами англійской буржуазіи с одной стороны и формирующейся американской—с другой. Борьба американцев

¹⁾ Одним из характерных примѣров страны, в которой рѣшительное преобладаніе принадлежит торгово-капиталистической и связанной с нею транспортной буржуазіи, является Греція. Эта буржуазія наложила свой отпечаток на всю исторію Греціи в XIX вѣкѣ,—да и теперь ея интересами объясняются многія явленія внутренней и внѣшней политики. Уже Маркс отмѣтил, что в XIX вѣкѣ преобладаніе купеческаго капитала связывается с господством устарѣлых экономических отношеній с политической реакціонностью, соціальным базисом которой является союз торговой буржуазіи с земельной и финансовой аристократіей. Все это опирается и в Греціи.

была направлена против тѣх сторон экономической политики Англіи, которыя представляли послѣдовательное развитіе Навигаціонныхъ Актовъ Кромвеля, противъ привилегій ост-индской компаніи, противъ новыхъ и новыхъ распоряженій, закрѣплявшихъ монопольное положеніе англійской торговой буржуазіи и наносившихъ жестокіе удары широко организованной контрабандѣ: той сферѣ торговли, которая, какъ это уже нѣсколько разъ бывало в исторіи, послужила колыбелью американской торговой буржуазіи ¹⁾.

Старинные соперники Англіи: Голландія, Франція, Испанія, поспѣшили использовать моментъ для того, чтобы уничтожить ея преобладаніе на моряхъ. Англійскій ввозъ в Америку почти совсѣмъ прекратился, такъ какъ англійскія суда захватывались военными судами и каперами „нейтральныхъ“ державъ, — будто бы для того, чтобы просто обезопасить собственную торговлю и скорѣе привести стороны къ миру. Какъ извѣстно, имъ не удалось уничтожить морской торговли Англіи, и Голландіи пришлось больше всего поплатиться за свое вмѣшательство: важнѣйшія ея колоніи были завоеваны Англіей, многочисленныя суда захвачены, ея міровой торговлѣ былъ нанесенъ послѣдній удар.

Въ эпоху войны за независимость опредѣленно намѣтился существенный поворотъ в области международной торговли. Борьба на моряхъ выяснила, что Англіи принадлежитъ в этой сферѣ такой рѣшительный фактическій перевѣсъ, что она не нуждается в закрѣпленіи его искусственными мѣрами, в родѣ Навигаціонныхъ Актовъ Кромвеля. Не національныя привилегіи, а свобода торговли понемногу становится в глазахъ англійской буржуазіи главнымъ средствомъ для того, чтобы расширить свою фактическую монополію в области международной торговли. Парижскій миръ (1783 г.), вообще говоря, оставилъ за соперниками Англіи (а также за Гамбургомъ и Бременомъ) ту свободу заокеанической торговли, которой они добились во время войны.

Интересы промышленной буржуазіи, игравшіе роль приходящаго момента в англо-американскомъ конфликтѣ, приобрѣли рѣшающее

¹⁾ „Колонисты превратились в націю нарушителей закона. Девять десятыхъ купцовъ были здѣсь контрабандистами. Одна четверть всѣхъ подписавшихся подъ Деклараціей Независимости занимались торговлей, мореплаваніемъ и контрабанднымъ промысломъ. Было извѣстно, что Ганкок, Трембуль и Гамильтонъ знали о контрабандной торговлѣ и одобряли ее. Ганкокъ былъ королемъ контрабандистовъ; Джонъ Адамсъ защищалъ его передъ судомъ адмиралтейства в Бостонѣ, гдѣ ему за контрабандную торговлю угрожалъ штрафъ в 500.000 олларовъ“ (до 1 милл. руб. на наши деньги). Все это — имена выдающихся политическихъ дѣятелей Америки конца XVIII вѣка. Цитир. у А. М. Simons, „Klassenkämpfe in der Geschichte Amerikas“. 7. Ergänzungsheft zur „Neuen Zeit“

значение в той затяжной борьбѣ, которая началась почти с первых лѣтъ французской революціи и достигла кулминаціоннаго пункта в наполеоновской „континентальной блокадѣ“. В теченіе всего XVIII вѣка Франція была единственнымъ серьезнымъ соперникомъ Англіи по своему торговому и промышленному развитію, по значенію своихъ колоній, по силѣ своего флота и арміи. Вопросъ о томъ, кто побѣдитъ, во время англо-американской войны остался открытымъ и еще долго вызывалъ то скрытую, то открытую борьбу между господствующими классами обѣихъ странъ. Революція раскрыла передъ молодой промышленной буржуазіей Франціи блестящія перспективы. Уже в 1793 году она приняла рѣшительныя мѣры с той цѣлью, чтобы закрыть Францію для продуктовъ англійской промышленности (полное воспрещеніе ввоза многихъ англійскихъ фабрикатовъ, непомерно высокое обложеніе другихъ), а потомъ, постепенно усиливаясь, сдѣлала попытку распространить эту „блокаду“ на весь континентъ. Политическіе историки обычно перевертываютъ отношенія и выводятъ экономическій конфликтъ изъ политическаго ¹⁾. Но декретъ 1806 г., которымъ возвѣщается блокада Британскихъ острововъ, говоритъ самъ за себя. Важнѣйшіе его пункты слѣдующіе: воспрещаются всякія торговыя сношенія и обмѣнъ писемъ съ Англіей. Всякіе товары, идущіе изъ Англіи и ея колоній, объявляются законнымъ призомъ, т.-е. всякому предоставляется захватывать ихъ; никакая гавань не должна допускать судовъ, идущихъ изъ Англіи и ея колоній; при попыткѣ обойти послѣднее распоряженіе, суда—хотя бы и неанглійскія—подлежатъ конфискаціи. Декретъ распространяется на Францію, Голландію, Испанію, Неаполь,—вообще на всѣ союзныя съ Франціей государства.

В дальнѣйшемъ Наполеонъ силой оружія расширилъ ту сферу, которая предназначалась для господства французской промышленной и торговой буржуазіи. Къ континентальной блокадѣ, т.-е. къ рѣшительному бойкоту Англіи, в ближайшіе годы были вынуждены примкнуть Пруссія, Россія, Данія, Португалія, Австрія. Англія, не ограничиваясь эпизодическими прорывами блокады при посредствѣ контрабанднаго ввоза, стремилась проложить широкія бреши в томъ кольцѣ, которое стиснуло ее со всѣхъ сторонъ: отсюда между прочимъ тотъ большой интересъ и тѣ крупныя силы,

¹⁾ Впрочемъ, не только политическіе историки, но и признанные экономисты, напр., Лексисъ начинаетъ в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* (3 изд.) статью о континентальной блокадѣ слѣдующими словами: „Континентальная блокада была чрезвычайной военной мѣрой Наполеона противъ Англіи, преслѣдовавшею в первую очередь чисто политическую цѣль“ (курсивы наши). А потомъ слѣдуютъ факты, изъ которыхъ—незамѣтно ли автора—вытекаетъ, что Наполеонъ былъ, если и не всегда искуснымъ, то неизмѣнно усерднымъ дѣлопроизводителемъ французской буржуазіи.

которыя Англія посвящала борьбѣ с Франціей на Пиренейском полуостровѣ, отсюда же международные конфликты из-за острова Мальты. Наполеон отвѣтил чрезвычайным обостреніем мѣр, направленных против Англіи, и жестоким усиленіем репрессій за их нарушенія (напр., 12 лѣт каторги и наложеніем клейма—за ввоз запретных товаров). В стремленіи сдѣлать блокаду дѣйствительною, он совершил аннексію Голландіи, части Германіи у Сѣвернаго моря, нѣкоторых областей в Италіи, Иллирійскаго побережья. Простой взгляд на карту дает ключъ к той „ненасытной жаждѣ завоеваній“, которая, согласно историкам стариннаго склада, опредѣлила совершенно исключительную „роль личности Наполеона в исторіи“. Несоблюденіе континентальной блокады Россіей даже по Лексису было главным поводомъ къ послѣднему акту „наполеоновских“ войн, к походу 1812 года.

Наполеону так же не удалось сокрушить упрочившееся экономическое могущество Англіи—ея преобладаніе на морях, ея промышленное превосходство,—как за два столѣтія передъ тѣмъ Филиппу II. Правда, под прикрытіемъ блокады расцвѣли нѣкоторыя отрасли промышленности во Франціи, в прирейнской части Германіи, в Силезіи, в нѣкоторых частях Россіи: расчетом на такое ея дѣйствіе объясняется популярность союза с Наполеоном и продиктованных имъ торгово-политическихъ мѣр среди формировавшейся промышленной буржуазіи в континентальной Европѣ, в частности и в Россіи. Напротивъ, тѣ классы и группы, которые были заинтересованы в вывозѣ в Англію земледѣльческихъ продуктов: хлѣба, пеньки, лѣса и т. д., требовали рѣшительной борьбы с Наполеоном до „побѣднаго конца“, и в Россіи, напр., дворянство повторило бы переворотъ 1801 г. (убійство Павла), если бы Александръ стал упорно слѣдовать политикѣ Тильзитскаго мира. Англія ни передъ чѣмъ не останавливалась—и прежде всего передъ крупнѣйшими расходами,—чтобы создавать на континентѣ Европы новыя и новыя коалиціи, которыя выставляли громадныя арміи противъ наполеоновской Франціи.

Для нѣкоторыхъ отраслей континентальной промышленности „континентальная блокада“ принесла длительные результаты. Но в большинствѣ случаевъ вызванный ею промышленный расцвѣтъ оказался эфемернымъ. Он уступилъ мѣсто величайшему упадку, когда произведенные при болѣе совершенной техникѣ англійскіе товары, годами накопившіеся в складахъ, по окончаніи блокады хлынули на континентъ.

До столкновенія с Англіей в торговомъ французскомъ флотѣ числилось до 50 тысячъ матросов. Во время войны суда были вынуждены оставаться в гаваняхъ и во всякомъ случаѣ не удаляться от береговъ из опасенія захвата англичанами. В результатъ къ концу войнъ у Франціи сохранились только жалкіе остатки торговаго и военнаго флота. Не менѣе пострадали

и вынужденные союзники Франціи: Испанія, Голландія, Данія. В эпоху континентальной блокады Англія уничтожила у своих соперников болѣе 1.000 военных судов и включила в свой флот болѣе 4.000 захваченных торговых судов. Она же овладѣла и большей частью заокеанских колоній Франціи и ея союзников.

Борьба между Англіей и Франціей по своему общему характеру лежит на границѣ двух экономических эпох: заканчивающейся для главных европейских стран торгово-капиталистической эпохи и наступающей новой эпохи, промышленно-капиталистической. По своим формам и методам, по сопутствующим ей явленіям,—напр., по небывалому послѣ того расцвѣту модифицированнаго пиратскаго промысла (каперства), по неповторявшемуся впоследствии размаху контрабанды,—она близко напоминает старинную эпоху грандіозных столкновеній между Голландіей и Англіей с одной стороны и пиренейскими странами—с другой. Но по своим глубоким причинам эта борьба является предвѣстницей той уже близкой эпохи, когда торговый капитал стал играть служебную роль при производственном капиталѣ и когда руководящая роль в экономических и политических отношеніях перешла к промышленной буржуазіи.

* * *

В области торговли прежде всего возник капитал, и здѣсь же развилось старѣйшее подраздѣленіе современной буржуазіи, торгово-капиталистическая буржуазія.

При своем появленіи капитал не является представителем какого-либо новаго способа производства. Он берет докапиталистическіе способы производства и чисто внѣшним образом приспособляется к ним или приспособляет их к себѣ, не уничтожая их старой основы. Разложеніе этих старых способов является здѣсь послѣдствием скорѣе усиленія прежних методов эксплуатаціи, чѣм примѣненія каких-либо новых.

Не отрицая докапиталистической организаціи производства, капитал при своем появленіи не отрицает и старых форм собственности; напротив, послѣднія служат исходным пунктом для развитія капиталистической собственности. В Европѣ, напр., первоначальным базисом для тѣх мѣновх операцій, из которых в длинном процессѣ развитія возникли торгово-капиталистическія операціи, послужила феодальная собственность. Лишь с величайшею медленностью, по мѣрѣ того как растет посредническая торговля и превращается в специальную функцію особой профессиональной группы, купцов, от феодальной собственности отщепляется капиталистическая собственность с специфическими, ей одной свойственными методами присвоенія прибавочной стоимости. Не говоря

уже о средних вѣках, даже в новое время этот процесс отдѣленія капитала от феодальной собственности не пошел дальше первоначальных ступеней в пиренейских странах и очень недалеко ушел в колоніальном хозяйствѣ голландцев и англичан. В торгово-капиталистическую эпоху, когда капитал в подавляющем большинствѣ случаев просто присвоивает прибавочную стоимость, произведенную при докапиталистических организациях производства, это отдѣленіе вообще остается лишь неполным и несовершенным. Эпоха торгового капитала—эпоха смѣшанных, ублюточных экономических, социальных и политических форм.

Согласно ходячим воззрѣніям, капитал уже как торговый капитал и буржуазія уже как торговая буржуазія несут с собою рѣшительное отрицаніе общественнаго уклада, построеннаго на юридически огражденных привилегіях и монополіях отдѣльных лиц, сословій, гильдій, цехов и других корпорацій. В дѣйствительности не свобода конкуренціи была первоначальным лозунгом буржуазіи, а опять-таки всевозможныя привилегіи и монополіи. Она создавала их в невиданном раньше масштабѣ, по мѣрѣ того как, с постепенным развитіем капиталистической торговли, расширялась арена европейской исторіи. От монополизациі почти всего бассейна Средиземнаго моря итальянскими плутократическими республиками, от монополизациі бассейнов Балтійскаго и Сѣвернаго морей ганзейскими городами экономическое развитіе переходило к новым, все болѣе грандіозным монополіям: к монополизациі Португаліей всѣх сношеній с Востоком, Испаніей—всей европейско-американской торговли, потом к борьбѣ между юго-западными и сѣверо-западными государствами из-за міровых монополій, из-за исключительнаго обладанія необъятными колоніальными странами и, наконец, к борьбѣ между національными государствами европейскаго сѣверо-запада. Послѣдним продуктом этого длительного процесса борьбы, охватывающаго болѣе 7½ вѣков, была та фактическая торговая и промышленная монополія—или по меньшей мѣрѣ рѣшительное преобладаніе—Англи, которая установилась к началу XIX вѣка.

Однако монополіями городских республик или національных государств дѣло не ограничивалось. В предѣлах каждой из таких политических единиц из массы торговой буржуазіи выдѣляются сильныя группы, которыя добиваются для себя исключительных привилегій: на торговлю тѣм или иным товаром, на эксплуатацію тѣх или иных колоній. Политическая власть всѣми находящимися в ея распоряженіи средствами охраняет за этими группами их привилегіи, на долгое время онѣ создавали своего рода тепличную атмосферу для растущей буржуазіи, или, точнѣе, сама буржуазія создавала ее для себя, пользуясь своим крѣпнущим вліяніем на государственную власть. Даже в таких корпораціях, в которыя

доступ формально открыт каждому платежеспособному гражданину, как голландская и особенно английская ост-индскія компаніи, нѣсколько десятков крупных воротил фактически захватили всѣ дѣла в свои руки и, умѣло опираясь на содѣйствіе политической власти, послушной их финансовой силѣ, превратились в безконтрольных монополистов почти всѣх прибылей. Свобода борьбы не существует даже для членов таких корпораций, если они принадлежат к рядовой массѣ.

Свобода конкуренціи оставляется только для таких сфер, которыя не представляют особеннаго интереса для привилегированных монополистов или занимают служебное положеніе при монополизированных сферах торговли. Так, снабженіе сѣверных стран колоніальными продуктами, идущими через пиренейскіе порты, испанская и португальская буржуазія оставляла за ганзейскими, южно-германскими, голландскими и английскими купцами, между которыми устанавливаются отношенія соперничества. Но и эти отношенія очень непрочны, они носят болѣе или менѣе эпизодическій характер, буржуазія каждой страны принуждается к ним только горькой необходимостью. Конкуренція при первой возможности смѣняется монополіями, которыя послужили колыбелью сначала голландскаго, потом англійскаго крупнаго торговаго капитала.

Таким образом вся исторія торговой буржуазіи есть исторія монополій, от столѣтія к столѣтію, от націи к націи расширяющих свой масштаб и отмѣчающих своим расширеніем возрастаніе мощи торговаго капитала. Но чѣм дальше раскидывается царство послѣдняго, чѣм шире становятся мѣновыя отношенія, тѣм безсильнѣе оказываются тѣ искусственные барьеры, которыми національная буржуазія каждой страны стремится охранить свое монопольное положеніе. Итальянскія городскія республики могли успѣшно оберегать Средиземное море, Ганза могла закрыть для других судов Балтійское и отчасти Сѣверное моря. Но когда торговый капитал охватил всѣ океаны и материки, когда національныя буржуазіи всѣх стран начинают рваться к міровой торговлѣ, тогда издержки на огражденіе монополій: на затяжныя, жестокія войны, на борьбу с вездѣсущей и почти неуловимой контрабандой, перестают покрываться прибылями от монополій. Расширяющіяся сношенія перерастают узкія рамки каких бы то ни было мощных монополій, на каждом шагѣ рвут и ломают эти рамки, и торговая буржуазія каждой страны вынуждается к компромиссу. Имя этого компромисса—формально свободная конкуренція. Но и здѣсь необходимо отмѣтить еще раз, что для наиболѣе сильной, экономически развитой буржуазіи, именно для англійской, пропаганда свободной конкуренціи болѣе чѣм на столѣтіе становится идеологическим орудіем в борьбѣ за сохраненіе и расширеніе ея господства на міровом рынкѣ.

Впослѣдствіи мы увидим, что путь торговой буржуазіи—от привилегій и монополій к свободной конкуренціи—был путем и промышленной буржуазіи; мы убѣдимся таким образом, что в исторіи торговаго капитала раскрываются многія черты капитала вообще, и в особенности промышленнаго капитала, позднѣйшей его формы.

4. Колоніальная добыча и результаты колоніальнаго хозяйства.

Собственно обмѣн лишь с большою медленностью порывал свою связь с простым грабежом, с односторонним завладѣніем. Сравнительно урегулированныя контрибуціи и дани долго составляли лишь нѣкоторое дополненіе к добычѣ от военных походов на отсталыя племена. Прибыль от примитивной торговли в колоніях иногда была только скромной долей богатств, доставлявшихся пиратским промыслом на европейских морях, на Атлантическом и Индійском океанах.

Всѣ такіе виѣпроизводственные методы извлеченія прибавочной стоимости и перераспределеніе богатств между Европой и внѣ-европейскими странами расширялись прямым принужденіем к прибавочному труду, экономически родственным с этими методами. Такое разнообразіе функций эмбріональнаго торговаго капитала служит просто выраженіем того факта, что сам этот капитал с большою постепенностью обособлялся от феодальной собственности, и развитой, чистый купец—от сенъера, военнаго организатора.

При таких обстоятельствах трудно, почти совсѣм невозможно выдѣлить собственно торговую прибыль из других форм добычи. Болѣе того: всякія попытки открыть в тѣ эпохи торговую прибыль в современном значеніи этого слова были бы в корнѣ ошибочны, потому что она развивалась лишь по мѣрѣ того, как развивалась современная форма торговаго капитала. Она получила значительную опредѣленность только в позднѣйшіе періоды торгово-капиталистической эпохи, на ея высших ступенях. Единственно, что можно достигнуть, стремясь количественно опредѣлить обороты купцов за разсматриваемую эпоху, это—лишь разнести их добычу по болѣе или менѣе грубым и искусственным рубрикам.

I. Непосредственное разграбленіе. Наболѣе широко оно примѣнялось в странах, богатых драгоцѣнными металлами и камнями, а впослѣдствіи и в странах, из которых европейцы вывозили невольников.

Мѣстонахожденія благородных металлов, преимущественно серебра, на европейском Западѣ очень ограниченны (в Богеміи, Саксоніи, Венгріи, Трансильваніи) и за малыми исключеніями по содержанію бла-

городных металлов не относятся к числу богатых. С развитіем византійской, а потом итальянской торговли денежный металл с сѣвера Европы начал отливаться на юг, а оттуда в восточныя страны. По условіям транспорта драгоцѣнные металлы были для средневѣковаго Запада одной из главных форм того сырья, которым экономически отсталыя страны вообще оплачивают ввозимые к ним продукты болѣе передовых стран.

Слѣдовательно, в то самое время, как, с развитіем мѣновых отношеній, возрастала власть денег и зарождалась неуголимая жажда золота, деньги уходили с средневѣковаго Запада. Всѣ помыслы сосредоточились на добычаніи денег. И не случаен тот фактъ, что алхимія с ея мечтами о „философском камнѣ“, который даст возможность превращать в золото не имѣющія никакой стоимости вещества, возникала под непосредственным вліяніем тѣх самых арабов, которые сыграли такую колоссальную роль в развитіи мѣновых отношеній в Европѣ. Но одновременно учащались попытки расширить и простое добываніе драгоцѣнных металлов, с XI—XII вѣка началась разработка новых приисков, несмотря на их относительную малоцѣнность. На добываніе серебра приходилось затрачивать все большее количество труда, стоимость серебра с приближеніем к XV вѣку увеличивалась, товарныя цѣны падали: явленіе, которое во многих случаях замаскировывалось порчей монеты.

Напротив, в Византіи и арабских калифатах X—XIII вѣка сосредоточивались сказочныя богатства, которыя частью добывались из собственных мѣсторожденій благородных металлов, частью притекали из других стран по путям византійской и арабской торговли. Денежные доходы Гарун аль-Рашида опредѣлялись в 125 милліонов диргамов золотом, в 400 милліонов диргамов серебром (диргам—на современныя деньги около 1 франка, т.-е. приблизительно $37\frac{1}{2}$ прежних, до-военных копеек; ежегодный доход намѣстников составлял будто бы до 13 милл. диргамов, каирскій судья в IX вѣкѣ получал ежегодно 48.000 диргамов. Конечно, многія из этих цифр до крайности преувеличены воображеніем европейцев, пораженных сокровищами Востока; но такія данныя, как послѣднее, в сопоставленіи с окладами византійских чиновников эпохи Юстиніана, с несомнѣнностью убѣждают, что Ближній Восток был богат денежными металлами.

В эпоху крестовых походов совершилось перераспредѣленіе богатств между Востоком и Южной Европой. Количественная оцѣнка процесса перераспредѣленія невозможна по скудости данных. Но он достаточно обрисовывается разсказами о взятіи крестоносцами Азруфа и Цезаріи, Антиохіи и Константинополя, о раздѣлах добычи между участниками походов, о тѣх флотах, которые перевозили награбленныя сокровища в Испанію и Южную Францію. Об энергіи крестоносных армій достаточно

краснорѣчиво говорит тот фактъ, что с этого времени начался быстрый упадок Леванта, превращавшій его из богатаго центра культуры в ту отсталую, бѣдную Переднюю Азію, какою мы знаем ее в настоящее время.

Португальцы, которые с XV вѣка начали оттѣснять арабов, несли с собою систему безпощаднаго грабежа в Южную Азію и западную и восточную Африку. По вычисленіям Зѣтбера—авторитетнаго писателя по статистикѣ производства благородныхъ металлов—годовой вывозъ золота из Африки в Европу составлял в среднем:

1493—1520 г.	3.000 килограммов, или 8.370.000 марок ¹⁾ .
1521—1544 "	2.500 " " 6.975.000 "
1545—1600 "	2.000 " " 5.580.000 "
1601—1700 "	2.000 " " 5.580.000 "

Значительная, не поддающаяся учету доля этой ежегодной добычи составляла результат односторонняго завладѣнія, грабежа.

То же повторилось и в Южной Азіи. Напр., в 1511 году Альбукерк разграбил Малакку и из добычи получил на свою долю 1 миллион дукатов, или, на современные деньги, около 3¹/₂ миллионовъ рублей²⁾. Еще большую жатву доставили португальцамъ азіатскіе острова, которые перед появленіемъ европейцевъ занимали одно из первыхъ мѣст по богатству золотомъ, а португальскимъ хозяйничаньемъ были опустошены настолько, что теперь обыкновенно не упоминаются в числѣ золотоносныхъ стран.

Но всѣ сокровища, которыя конкистадоры находили в восточномъ полушаріи, оказались ничтожными по сравненію с богатствами, которыя они встрѣтили у неспособныхъ къ сопротивленію американскихъ племенъ. Немногихъ цифръ будетъ достаточно для иллюстраціи. По завоеваніи

¹⁾ 1 марка—около 46 коп. (как и ниже, русскія деньги вездѣ в до-военной золотой системѣ).

²⁾ Из нихъ португальскому королю было пре оставлено 200.000 дукатов. В эпоху великихъ открытій поступления из такихъ источниковъ вообще составляли одну из крупныхъ статей в доходахъ португальскаго, испанскаго, а впоследствии и англійскаго короля. Уже Карл V и Филипп II заявляли притязаніе на ¹/₅ всей колоніальной добычи, а фактически умѣли увеличивать свою долю до ¹/₂ и даже больше. То же было и в русской исторіи. Школьный примѣръ—дары, с которыми прибыло к Ивану IV „посольство“ от Ермака из Сибири. Сибирскій поход Ермака, кстати сказать, не только хронологически, но и по своему общему характеру цѣлкомъ относится к эпохѣ великихъ открытій.

Мексикки у Монтесумы, главы этого государства, захватили такі сокровища, что в слитках они представляли стоимость свыше 160.000 песет, а мелкіе предметы украшенія—до 500.000 дукатов¹⁾. Стоимость добычи, полученной при завоеваніи главнаго города Мексикки, опредѣляется в 131.000 песет. „Выкуп“ за Атагуальпу, послѣдняго Инку, и добыча при завоеваніи Куско, главнаго города Перу, опредѣляется на современные деньги в 33.000.000 марок. Не мѣшает напомнить, что вся завоевательная „армія“ Кортеса, завоевателя Мексикки, не превышала 400 человекъ, а у Писарро, завоевателя Перу, отряд едва достигал 200 человекъ. Удачный поход разом превращал в богачей всѣх его соучастников. Так, по завоеваніи Перу наместнику было предоставлено 57.000 песет, Писарро—31.000, 48 рыцарям—по 9.000 и 170 рядовым участникам—по 4—4½ тысячи песет. Общая цифра испанскаго вывоза золота из Америки опредѣляется для 1500—1521 года—т.-е. для времени, когда европейцы еще не начали самостоятельной разработки рудников и не добрались до Перу—в 100 миллионов марок (46 милл. руб.) на современные деньги.

II. Принужденіе к обмѣну. Неуловимая черта отграничивает его от прямого грабежа, и начинается оно одновременно с прямым грабежом. Такія операціи велись в широком масштабѣ повсюду, гдѣ европейцы встрѣчали слабыя племена. Итальянцы в позднѣйшій період своего торговаго развитія, когда они сломили господство арабов, примѣняли этот способ торговли в Левантѣ; португальцы создали для него широкую сферу приложенія в Африкѣ, гдѣ они за аршин ни к чему не годнаго сукна вымѣнивали до 4 дукатов золота, за аршинок сукна получше—15 дукатов, за кусок холста—сильнаго, здороваго негра, за лошадь, купленную в Европѣ за 10 дукатов, получали здѣсь не менѣе 40—50 дукатов золота. Тѣм же способом „покупались“ корица, гвоздика, перец, мускатный орѣх в Калькуттѣ, Малаккѣ и на Молуккских островах: у туземцев брали такое количество гриностей, за которые в Европѣ выручались десятки дукатов, а в обмѣн давали десяток локтей дрянной

¹⁾ Перевод старых денежных единиц на современные—всегда операція очень искусственная, имѣющая лишь очень условное значеніе. Наиболѣе обычный метод—опредѣленіе вѣсового содержанія чистаго металла в старых монетах и перевод этого вѣса на монеты современные. Этот метод совершенно игнорирует различія стоимости, а вмѣстѣ с тѣм и покупательной способности драгоцѣнных металлов в старое время и теперь. С этой существенной оговоркой испанскую песету XVI вѣка можно принимать за 11½ марок (нѣсколько болѣе 5 рублей), дукат—за 7 марок (около 3¼ руб.).